

Закончился VI Международный фестиваль православной музыки в Москве

Ректор Санкт-Петербургской консерватории народный артист СССР, художественный руководитель и главный дирижер Певческой капеллы Санкт-Петербурга, композитор Владислав ЧЕРНУШЕНКО:

НАС СОБЕРЕТ РОССИЯ

Благословенный зал Московской консерватории готовится к очередному концерту VI Международного фестиваля православной музыки в Москве... Тишина и святость в пустынном пока фойе. И только из-за закрытых дверей зала льется божественная музыка: там поют православные хоры. На этом фоне я слушаю раздумчивую речь одного из лучших русских музыкантов Владислава Александровича Чернушенко.

(Окончание на 4-й стр.)

Беседа с народным артистом СССР, композитором Владиславом Чернушенко

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Этот фестиваль — маленький островок православной музыкальной культуры, сохранившийся от того гигантского континента музыки, которой всегда жила Россия... Эти фестивали — подвижнический труд, потому что ясно: церковь не готова еще к возрождению великой духовной традиции — она не располагает ни собственными кадрами, ни средствами, и, главное, нет теперь того поколения поющих людей, которое наполняло всю Россию, когда в каждой семье было заведено петь и слушать, когда каждый человек знал, что такое церковная служба и принимал в ней участие. Ныне эта культура утеряна, утоплена в ревущем потоке всяких шоу и конкурсов, когда тяжелым металлом придавлен хрупкий росток чистого человеческого голоса и естественной душевной интонации, который способен вернуть людей к истокам их нравственной жизни.

Поэтому Георгий Георгиевич Поляченко, неизменный директор всех шести фестивалей православной музыки — великий подвижник, как и писатели, художники, музыканты, которые борются за возрождение русских национальных традиций, — целители, которые лечат больного. Но эти врачи — невольники своего понимания, своей веры, своей профессии, потому что они добровольные рабы своего народа, готовые принести себя в жертву ради его исцеления. И я невольник. Я чувствую всей сутью своей, что я продолжателем и наследник той великой традиции, которую несет в себе русское пение. Я начинаю свою биографию с самого первого дня Капеллы, основанной более 500 лет назад, потому что учителем моего учителя Александра Глебовича Неклисова был один из самых замечательных руководителей Капеллы Михаил Георгиевич Климов, человек огромной культуры и громадного дарования, ученик Римского-Корсакова, который вместе с Балакиревым также служил Капелле. И так в глубь веков — к Бортнянскому и глубже. Все это обязывает меня.

— Сейчас власти возлагают о возрождении России. Но разве было когда-нибудь таким жестоким и откровенным пренебрежением к русскому человеку? И есть ли у вас надежда, что те нежные ростки русской культуры, которые выбились на свет Божий, не будут затоптаны?

— Здесь, конечно, первое, что вызывает отторжение, — это тот театр, в который превращают ритуалы, когда люди, сделавшие свою карьеру как партийные функционеры, побросав партбилеты (я понимаю — может наступить прозрение, но это не значит, что можно предать бывших единомышленников), эти люди выстраиваются в церкви со свечами, чтобы присутствовать на патриарших службах. Это страшно для нашей культуры, потому что в моду вошла дешевая театрализация, подменившая искренность веры. Надругательство это. Оно деморализует людей, превращая в фарс то, что должно быть святым... А выживает ли нежный росток? Я думаю — выживает.

Двенадцать лет назад мы впервые провели в Ленинграде фестиваль «Невские хоровые ассамблеи», показав русскую хоровую музыку, которая охватывала период пяти веков. Что меня поразило тогда? От древности до современной музыки в течение пяти дней был пройден многовековой путь, и, когда зазвучала музыка современных композиторов, выяснилось, что она исходит из самых глубинных русских корней. Мы поняли это, выстроив всю великую пирамиду. Фестиваль, который сей-

час проходит, собрал коллективы различного уровня — от самых профессиональных до любительских, и видно, что не Москвой и С.-Петербургом сильна Россия. Провинция учит нас многому. Грандиозная нравственная сила сохранена сегодня и в Зауралье, и в Сибири, и на Севере. Это доказало и только что прошедшее совещание молодых писателей, где стало очевидно, что у молодежи обостренное чувство времени, они все видят и понимают, и ощущают необходимость воспринять русскую духовную традицию.

Музыканты, более чем кто-либо другой, имеют возможность выезжать за рубеж, представляя нашу культуру. И когда мы оттуда глядим на

Россию, душа обливается кровью, мы понимаем, что перестали работать для своего народа. Сегодня нашей Капелле легче выехать в Париж, чем в Выборг. Думают ли об этом власти? Полагаю, что нет, потому что если сегодня так легко можно решить вопрос о расстреле парламента, а потом о миллиардных затратах на ремонт его здания, то этой власти нет дела до народных интересов.

Я не очень силен в политике и меньше всего хотел бы в ней участвовать, но на сегодняшний день в списках ветеранов Капеллы 52 артиста, которые отдали ей всю жизнь и которые сейчас находятся в тяжелейшем материальном положении, а у нас нет возможности обеспечить их. И это в то время, когда на выявление всяких «мисс» бросаются миллионы!

Мы, первый хор России, не имеем возможности выехать сейчас никуда, тогда как еще совсем недавно колесили по России и гордились этой своей обязанностью просвещать народ. Капелла, имеющая огромную международную репутацию, — национальное достояние — вынуждена сегодня пребывать в скорлупе.

— Владислав Александрович! Фестивали православной музыки выявили мнение, что само воспроизведение духовных песнопений церковными хорами отличается от того, как это делают хоры светские, и светским хорам не доступен высший уровень постижения этих творений, наким обладают церковные хоры. Верно ли это?

— Мне трудно с этим согласиться. Кто такие церковные певчие? Они во все времена были простыми людьми, в церковных хорах пели люди из деревень, подчас не имевшие даже образования. Они привносили свою манеру звучания. Другой вопрос, что все воспитание народа определяло их мировоззрение, их нравственность, и это преимущественно были люди религиозного мироощущения. Эту традицию они несли в себе. Что сегодня можно говорить о людях, лишенных такого восприятия? И я тоже лишен был этого со своим комсомольским воспитанием, которое я не могу линчевать, в нем тоже было много верных постулатов. Как и в уставе компартии, библейские постулаты занимали ведущие нравственные пози-

ции. И люди шли за этими вечными истинами. Поэтому, может быть, тем сегодня, кто ближе к церкви, к пониманию церковного обряда, легче настроить себя эмоционально на какую-то определенную исполнительскую волну и больше сосредоточенность в этом, чем у профессиональных хоров, но я глубоко убежден — если этим занимается профессионал, то артистическая натура практически сразу должна отзвучивать той идее, той нравственной категории, которая рождает вот эту интонацию, соединена вот с этим словом и смыслом. Мне не кажется, что здесь сказывается чье-то преимущество, скорее всего сказывается уровень дарования регента или дирижера.

НАС СОБЕРЕТ РОССИЯ

— Известно, в русском народе потребность искренности необычайна. Это как потребность чистой воды — без этого русская душа жить не может...

— Наверное, это так. Здесь я добавил бы только, что на опыте взаимодействия с людьми очень разными я убеждаюсь: русский — это прежде всего тот, кто душой вообрал в себя традиции русской культуры. В Капелле (мы в прежние времена ездили по всем регионам страны, подбирая наилучших певчих) и сегодня в числе артистов есть люди всех национальностей — украинцы, татары, армяне, грузины... И музыка, которую мы исполняем, тоже далеко не вся написана русскими композиторами. Вот, например, Юрий Александрович Фалик написал замечательную музыку духовных песнопений, и от того, что эта музыка написана евреем по национальности, она не становится менее русской. Он нашел такую верную интонацию, в особенности в сольных распевах, что эта работа стала одним из наиболее ярких образцов современной духовной музыки.

Понятие русскости существует в традициях в первую очередь русского народа, впитавшего в себя многое, с добром привнесенное другими народами в его жизнь. Но то, что присутствует всегда в русских, — это сильное эмоциональное начало. Искренность, которая обезоруживает. Ее не объяснить, ни доказывать словами не надо. Она существует в открытости души, приветливости и в той интонации, которая рождается в слове и особенно в песне. Не случайно А. Н. Островский сказал: «Песня — душа народа». Это помнят все, а вот продолжение это фразы мало кто помнит сегодня: «Загубишь песню — убьешь душу». Пока есть в России ее собственная песня — будет жить и русская душа, и есть уверенность, что воспримет наша земля.

Хочу заметить: именно в советское время на основе традиций была придумана и создана система не только музыкального, а вообще система профессионального образования в стране. Была принята трехступенчатая система музыкального образования, открылось огромное количество общедоступных

музыкальных школ, потом училище и вуз. И по сегодняшний день эта система, несмотря на общую разруху, продолжает плодотворно существовать в силу це-ховой замкнутости.

— То, что делаете вы со своим хором, выпрямляет русскую душу. Мне кажется, я до сих пор слышу «Духовные песнопения и молитвы» Георгия Васильевича Свиридова, которые вы исполняли в прошлом году на этом фестивале. Полноводные звуки, которые тогда хлынули в зал, дали такое чувство озарения и надежды, что, казалось, все у нас впереди — и радость, и живительность жизни...

— Вы коснулись творчества Свиридова. Это голос России, выражающий исконную сущность русской природы, русской души. Его сочинения последних лет написаны на духовные тексты для концертного хора. Можно сказать, что музыка Свиридова обладает церковностью в высшем смысле этого значения, поскольку рождена интонацией слова, и настолько сильно выражает его идею, что это — новое явление в музыкальной православной культуре. Он продолжателем самой исконной отечественной традиции, но его музыка передает и строй чувств и умонастроение современного человека с болями, тяготами сегодняшнего дня, мучительными надеждами и прозрениями. У меня нет ощущения, что эта музыка полна радости — напротив, она обладает громадной силой сосредоточенности чувства, концентрированности всех сил души для того, чтобы выстоять и не потерять надежду. В ней глубочайшая вера в Россию и ее дух, ее народ. Свиридов как бы за всех нас произносит слово — путь, по которому Россия придет к своему возрождению. Все то, что написал Свиридов, это исповедальное обращение к современникам. И мы поем Свиридова последние годы постоянно, где это только возможно, это для нас внутренняя необходимость. Это абсолютная необходимость моей души. Здесь я тоже невольник, потому что в творчестве Свиридова заключена высшая истина.

— И ваша гражданская позиция исходит из ощущения этого невольничества?

— Специально я не думаю о том, как чисто политически или граждански я должен действовать или поступать. У меня есть непреложные авторитеты в этой жизни. Распутин, например. Я счастлив встречать с ним провидением Господним, потому что помню его художественного таланта в нем есть та сокровенная сущность, которая определяется каким-то затаенным помыслом. Распутин — это особый очаг российского тепла.

Мы люди худшего воспитания, чем были наши предшественники, которые получили образование в дореволюционных гимназиях и опирались на нравственный опыт более устойчивый. И если мы сегодня хотим сохранить для будущих поколений русскость, мы должны глядеть на себя чрезвычайно критично.

Россия, какая бы она ни была, поруганная, обогнанная, придавленная, — это то единственное, что может соединить нас. Россия нас соберет. Мы — дети этой земли, и какие бы удовольствия ни были за ее пределами, там не наша земля. Там мы чужие. И свой мир мы должны отстаивать, реставрировать и любить. Другой земли у меня нет, не было и не будет. Так я говорю и своему сыну. Я невольник России.

Беседу вела
Галина ОРЕХАНОВА.
Фото В. АХЛОМОВА.